

*Посвящается моему сыну, Бенджамину Эику Андо
Авотви, и всем тем идеям, которые однажды,
возможно, будут его вдохновлять*

Благодарности

«Африканский идейный роман» — книга о взаимосвязях между мышлением, индивидуализмом и общим делом — родилась как раз из взаимодействия с множеством коллег, друзей, родных и близких. Везде — от аспирантуры и моего текущего места работы до проектов со специалистами из смежных сфер — мне повезло работать с поразительным количеством мыслителей столь же гуманных, сколь остроумных. В первую очередь я благодарна коллегам из Университета Джонса Хопкинса, как с кафедры английского языка, так и с других факультетов. Нельзя сказать, что это место, где все и всегда безоблачно, но я искренне люблю приходить сюда на работу. Джаред Хикман, Дрю Даниел, Мэри Фаврет, Эндрю Миллер, Ларри Джексон, Крис Каннон, Джесси Розенталь, Марк Томпсон, Даг Мао, Надия Нурхусейн, Крис Нилон и Шэрон Ахинштейн сделали все, чтобы заседания нашей кафедры проходили максимально безболезненно (Джесси, спасибо тебе за политику открытых дверей!). Отдельного спасибо заслуживает Марк, действующий глава кафедры в тот богатый на события год, когда эта книга увидела свет. Я глубоко благодарна ему за его познания, поддержку и внимание ко мне. Для меня было радостью работать в кампусе «Хоумвуд» с И-Пин Он, Анной Икин Мосс, Дорой Малех, Беккером Сегиним, Лестером Спенсом, Робби Шилиамом, Катриной Белл Макдональд и моими коллегами-африканистами — Лиз Торнберри, Пиром Ларсоном и Майком Дегани. Для меня было большой радостью оказывать всяческую поддержку Анки Мукерджи, когда она работала у нас в университете весной 2019 года. Анки для меня теперь — «подруга по науке» на всю жизнь. Именно благодаря всем упомянутым людям наш вуз стал местом, достойным внимания.

Я также нахожусь в постоянном контакте — личном или, не знаю, к лучшему это или худшему, онлайн — с целым рядом исследователей, которые изучают разнообразные произведения, авторов, лингвистов и философов. Я хочу упомянуть отдельно, в абсолютно свободном порядке, людей, без которых этой книги просто не было бы: Микаэла Бронстейн, Крис Гроуб, Нань Чж. Да, Коллин Парсонс, Олуфемии Таиво, Барри Маккри, Лен Гуткин, Лукас Кляйн, Джонатан Крамник, Денис Ферхатович, Омеди Очиенг, Кристофер Буш, Лидудумалингани Мкомботи, Пели Грицер, Тайрон Стюард, Марк де Сильва, Тафф Гиди, Харди Матева, Фаниу Нёуде, Элнатан Джон, Генриетта Роуз-Инес, Эбен Фентер, Тендай Хучу и Имран Кувадия. Имран и Тендай были мне сильно в помощь и при личных встречах, и в переписке. Наша дружба — настоящий образец «интеллектуального товарищества». Лидудумалингани поделился со мной рекомендациями по поводу иллюстрации на обложке и многими другими мыслями. Я также чувствую себя в долгу перед следующими людьми, которые поддерживали мою веру в перспективность исследований африканской литературы — мирной гавани для профессионалов, где можно общаться друг с другом без задних мыслей: Каджетан Ихека, Цици Джаджи, Натан Зур-Зюцма, Магали Армильяс-Тисейра, Мадху Кришнан, Бхати Шрингарпуре, Аинехи Эдору, Йогита Гоял, Стефани Бош-Сантана, Моника Попеску, Лили Сейнт, Квабена Опоку-Агъеманг, Адвоа Опоку-Агъеманг, Изабель Хофмэйр, Эшли Харрис, Стефан Хельгессон, Кирк Сайдс, Линдсей Грин-Симс, Вамуви Мбао, Саймон ван Шальквик, Эбони Колету, Эндрю Ван-дер-Флис, Тхандо Нджоване, Акин Адесокан, Дж. Б. Амиссах-Артур и Абдул-Карим Мустафа. Я не могу назвать мою старшую коллегу по постколониальным исследованиям Сангиту Рэй иначе, как «соучастницей дисциплинарного эксперимента». Для меня большая честь называть Ато Куэйсона одним из самых важных для меня наставников и ролевой моделью.

Отдельных благодарностей заслуживают люди, которые читали и комментировали отрывки из этой книги и/или других моих проектов: Даг Мао, Лили Сейнт, Натан Зур-Зюцма, Леон де Кок, Олакунле Джордж, Дэвид Джеймс и два особо въедливых чтеца

из Princeton University Press. Я благодарна Анне Саваресе из Princeton за то, что она довела мою книгу до победного конца. Я также делала «пробы пера» в литературном журнале *n + 1*, с которым регулярно сотрудничала в период работы над этим исследованием. Никил Саваль, выступавший редактором этих статей и заметок, оказал, скорее всего, наиболее глубокое влияние на то, как я пишу тексты. Я получала множество полезных комментариев по отдельным главам во время семинаров, проходивших при Дьюкском, Витватерсрандском, Кейптаунском, Хьюстонском, Северо-Западном, Мэрилендском, Нью-Йоркском, Стэнфордском университетах, Университете Ганы, Университете штата Пенсильвания, Оксфордском университете, Лондонском университете королевы Марии и Бристольском университете. Отдельных слов признательности за приглашение меня на эти мероприятия заслуживают, соответственно (с огромным уважением!), следующие люди: Нэнси Армстронг, Кристофер Турман, Грег Фрид, Себастьян Лекур, аспиранты по специальности «Сравнительное литературоведение» из Северо-Западного университета, Сангита Рэй, Ато Куэйсон, Нэнси Рутенберг, Квабена Опоку-Агъеманг, Магали Армильяс-Тисейра и Худа аш-Шакри, Анхи Мукерджи и Эллеке Бёмер, Шиталь Правинчандра и Эндрю Ван-дер-Флис и, наконец, Мадху Кришнан и Кирк Сайдс. Я очень обязана Лиз Торнберри, Пьеру Ларсону и Майклу Дегани, которые выступили с отличными предложениями по презентации книги на семинаре по вопросам Африки, проходившем в Университете Джонса Хопкинса.

Во время написания этой книги у меня родился малыш. Я глубоко благодарна близким подругам и коллегам Марии Тарутиной, Цици Джаджи и Терезе Рунштедлер, которые с похожим хаотичным графиком смогли вырастить своих детей до дошкольного возраста. Благодаря вам я познала счастье и научилась переживать невзгоды. Алли Витали и ее сотрудники в фитнес-центре Bar Method Baltimore помогли мне почувствовать, что я — снова я и что в новом для меня городе у меня есть близкие люди. Выше любых похвал содействие заботливых сотрудниц «школы для младенцев» Kiddie Academy, в особенности Азии, Наджи, Эрики

и Шанике. Если бы они не делали свое дело на все сто процентов, то я бы не справилась со своей работой.

Небольшие фрагменты этого проекта — заметки, обрывки вариантов фраз, абзацев, а иногда и целых страниц — печатались под видом эссе и разделов в таких изданиях, как *Novel*, *Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry*, *Oxford Research Encyclopedia of Literature*, сборник *Companion to African Literature*, опубликованный издательской группой *Wiley-Blackwell*, *n + 1* и *Public Books*. Я благодарю в каждом отдельном случае редакторов, которые сделали все от них зависящее, чтобы тексты увидели свет в оптимальном виде.

Было бы немыслимо не отметить моих родителей Ральфа и Эллен, а также мою сестру Эрин и ее супруга Джо. Я глубоко благодарна моей маме за то, что у нее сложился контакт с моим сыном, и за ее частные приезды на выходные в последние два года в Балтимор из Нью-Хейвена, которые нам очень помогли. Моя сестра, несмотря на плотный рабочий график, приехала в Гану, чтобы поприсутствовать на церемонии крестин племянника. В самых неожиданных местах этой книги проявляются ценности, которые сестра помогла мне взрастить в себе. За время работы над этим исследованием у меня появились новые родственники, и я хотела бы поблагодарить все семейство Авотви — Франческу, Эффуа, Мааме Йахан, Джонатана и Эгйеику — за их неиссякаемый запас знаний и за интерес к тем познаниям, которыми могу поделиться я [Medaase pii].

Наконец, я хочу выразить неиссякаемую признательность моему супругу Квамине Авотви и нашему сыну Бенджамину Эйику Андо Авотви, которые взяли меня штурмом и неожиданно преобразовали мою жизнь успокаивающим образом. Если за этой книгой и стоит какая-то единая философия, то это философия не только моя, но и Квамины. Его космополитичные взгляды, проницательность и неизменная уравновешенность — дары, которых я никогда не ожидала найти в моей жизни. Бенджи, надеюсь, что ты когда-нибудь прочитаешь эту книгу и посчитаешь ее достойной сравнения со «*Спокойной ночи, Осминожка*». Вы с папой — основа основ, на которой держится вся моя жизнь.

Введение

Препарируя либерализм

Есть какая-то ирония в том, что мы, антиимпериалисты, во славу и во имя антиимпериализма, слишком уж часто вступаем в неосознанный сговор с убежденными сепаратистами и преисполненными сознания собственного превосходства поборниками исключительности Запада. Мы принимаем их заявления, будто бы такие знаменательные ценности, как, например, индивидуализм, есть западное творение, некая, пускай и дурная, культурная особенность, и что, соответственно, мы испытываем или нам следовало бы испытывать к ней отвращение, поскольку эта специфика есть порождение Запада и поскольку это тлетворное явление пагубно именно потому, что оно западное.

*Ато Секйи-Оту. Левый универсализм:
афроцентризм в эссе, 2019*

В 2010 году писатель из Зимбабве Хучу опубликовал первый роман. Книга, будучи исследованием африканской идентичности после распада колониальной системы, легко нашла свою аудиторию. «*Парикмахер из Хараре*» — история о молодом гее, который силится найти свой жизненный путь в условиях жестких социальных ограничений, действующих в столице Зимбабве. Критики с энтузиазмом восприняли данное произведение. Среди злободневных тем, которые автор поднимает на страницах романа, — гендерные роли, государственная коррупция и зияющий разрыв в доходах между малочисленной политической элитой и многочисленными обездоленными Зимбабве. Все эти мотивы

служат развитию основного сюжета о становлении идентичности *квир*-человека. К тому же, благодаря эффектным цитатам, вроде «В самом ли деле независимость оказалась большей обузой, чем ярмо колониального гнета?» [ос. 1784], и россыпи образов безработной молодежи роман Хучу — настоящий клад хулы в адрес неолиберализма. Произведение в равной мере допускает и трактовки по линии проблематики гендерной и сексуальной ориентации, и интерпретации в части экономической нестабильности общества. «*Парикмахер из Хараре*» живописует Зимбабве во всей «красе» как постколониальный, постпереселенческий, постдемократический социум. Однако среди указанных насущных мотивов, которые призывают читателя к поиску соответствующих методологий восприятия, мы находим несколько более неприметное, но и более *занимательное* направление для дальнейших изысканий. Аккурат между главой о лояльности к правящей партии и главой о нападении, совершенном на главного героя из-за его сексуальной ориентации, Хучу вставляет эпизод с вымышленным сборищем философов, не имеющим никаких привязок к устоявшимся общественным институтам. Группка молодых людей встречается под открытым небом и обсуждает, помимо прочего, философию кинизма Диогена и «*Государство*» Платона. Сидящий без дела молодой человек, к которому рассказчица обращается за советом, как найти клуб мыслителей, замечает, что «все в округе знают этих душевнобольных», и рекомендует ей «направиться к тем камням», где они сидят и «несут всякую чепуху» [Ibid.: 2530, 2538]. И как раз эта предполагаемая «чепуха» и является источником ряда вопросов, которые составляют основу для настоящего исследования под названием «*Африканский идейный роман*».

Во-первых, к чему мы придем, если увидим в откровенном философствовании, представленном в романе Хучу, не второстепенную сюжетную линию, а ключ к разгадке смысла произведения? И во-вторых, что мы могли бы извлечь из общей традиции африканской литературы, если бы переориентировались на те проблемы, которые волновали этих доморожденных мудрецов, в том числе априорные истины, перспективу существования

чистых форм и поиск устойчивых источников нравственного авторитета? Отсюда перед нами открывается целый ряд новых перспектив. Какие форматы чтения, авторы и тексты выдвинулись бы на первый план, если бы мы увидели в африканской литературе платформу для осмысления человеческой мысли как таковой, пространство для нахождения баланса между частным миром человеческого сознания и сферами более публичными? С этой точки зрения *«Парикмахер из Хараре»* предстает показательным примером сущностной приоритизации политического противостояния и культурной репрезентативности, которые иногда оказываются грубыми орудиями и тупыми лезвиями, сокрушающими свежие авторские голоса. Философский кружок Хучу помогает нам выработать в себе духовную любознательность, выйти в наших поисках за пределы удручающего положения современного Зимбабве, вопреки тому, что именно это положение и порождает сборище мыслителей. «Здесь мы пытаемся открыть истину для самих себя, — поясняет лидер группы Фунгаи. — Так, мы не ссылаемся на Библию как на непререкаемый текст. Для нас это лишь один из множества философских текстов. Мы уделяем ему внимание, но не возводим его на пьедестал» [Ibid.: 2554]. Уяснить все своеобразие позиции Фунгаи нам помогают базовые сведения о значении религии в Зимбабве, особенно в свете распространенности в стране форм христианства, строящихся на харизме лидеров духовных движений. И все же стремление создать полноценное пространство, связанное с экономическими превратностями Хараре, но не проистекающее из них, платформу для постижения новых идей и убежище для существования людей, которые готовы их воспринять, явственно составляет сущностную часть романа, как бы место действия ни противилось появлению и проявлению такого пространства, платформы или убежища.

Предположение, что философский порыв к обнаружению правды мог бы легко помочь нам «возвыситься» над жизненно важными социальными и экономическими трудностями, в лучшем случае можно назвать наивным. Однако Хучу предлагает читателям в упомянутой сцене сделать допущение, что такое

«духовное вознесение» в самом деле возможно. Более того, автор идет на такой прием и побуждает нас осмыслить множество словно не требующих дополнительного обоснования общественных ситуаций. Человеческая идентичность превращается в манихейскую абстракцию. Участникам клуба рекомендуется представить себе, что

...существует два вида сексуальности, поскольку все сущее создается парами: свет и тьма, добро и зло и так далее. (...) [Ibid.: 2563].

В ходе разговора они умышленно прорабатывают такие темы, как (...) и границы между истиной и иллюзией. В конечном счете глава группы приходит к мысли, которая звучит радикально именно в этом социальном контексте: «наверно, мужчины и женщины не так уж отличны, как может показаться на первый взгляд» [Ibid.: 2571]. Данное заявление может показаться само собой разумеющимся, но этот освободительный вывод требует четких и последовательных объяснений. Мужчины из кружка расходятся в раздражении, когда Фунгаи объявляет, что (...) не просто естественна, но и «необходима». Однако Фунгаи остается невозмутимым, поскольку, на его взгляд, важно развивать в себе объективную приверженность добродетели разума. «В наших рассуждениях мы можем вызывать лишь к госпоже Философии, — подчеркивает герой. — Те, кто цепляются за свои предубеждения относительно направления, куда философия должна повести нас, должны покинуть наш круг, потому что они не стремятся познать истину» [Ibid.: 2580]. Несостоявшиеся философы уходят парами, и Фунгаи оказывается одиноким и отвергнутым в отстаивании своей непоколебимой позиции, безосновательно противопоставляя «естественные» законы «людским заповедям». Деятельность клуба на этом заканчивается. Литературный экзерсис Хучу служит неким вызовом тем голосам, которые на автомате продолжают высказывать сомнения по поводу ценности рационализма, универсализма и индивидуализма. Автор выстраивает поверх руин постколониально-

го государства мощное и автономное чувство самости в поисках истины.

В этой книге я ставлю перед собой те же цели. Я хочу снять завесу ассоциаций, возникших вокруг слова «индивидуализм» в постколониалистских и/или глобалистских литературоведческих и теоретических дискуссиях. Если в моем исследовании и представлено какое-либо громкое утверждение, то речь идет о следующем: богатые интеллектуальные традиции жителей Африки проявляются максимально полно, когда и у мыслителя, и у его мыслей есть отдельные пространства, где они могут существовать и развиваться. Иными словами, отдельные идеи приобретают силу и даже целую онтологию при обращении к нарративам, выдвигающим на первый план целостность в противовес дефрагментации индивидуальности. В книге *«Философ: история шести архетипов»* Джастин Смит отмечает, что философские практики приобретают черты, которые характеризуют людей, претворяющих эти практики в жизнь:

Часто предполагается, что философия — деятельность, направленная на поиск универсальных истин, которые будто бы можно обнаружить посредством априорных рассуждений, а не на выявление конкретных фактов, которые могут быть установлены эмпирическими средствами (4).

Эта мысль особенно ярко проявляется в контексте художественной литературы, которому и будет посвящена моя книга. Называя некое произведение «идейным романом», мы фактически предполагаем, что отдельные персонажи этого романа *наделены* какими-то идеями. Мы осмысляем роли, которые персонажи играют в более крупных структурах, и обстоятельства, в которых они обнаруживают себя; то, как их мысли проявляются в сюжете; те сферы, которые персонажи пытаются примирить между собой, в частности, по словам Смита, «имманентность с трансцендентальностью» или материальное начало с идеальным (14). Поскольку речь идет о философических учениях, важно подчеркнуть, что их невозможно свести к воплощаемым

нами прочтениям. Софи Олуволе даже подчеркивает: суть заключается «в том, что люди говорят, а не в том, что они делают» (Ajeluoou). В свою очередь, Раймонд Гойсс фиксирует, что «философия возникает, когда кто-то... предпринимает попытку найти выход, который может предполагать преобразование рамок некоей ситуации, изменение правил или постановку вопросов иного толка» (5). И в Африке, и в других уголках мира писатели-романисты уже отказались от прежнего фокуса на отдельных персоналиях в пользу таких тем, как сообщества людей, окружающая среда и распространение популярных жанров. Однако сам формат романа оптимально подходит для переключения между включенным в него действующим философствующим героем и его абстрактными размышлениями¹.

Еще один существенный момент — на страницах романа философский индивидуализм может изображаться как фантазийное пространство, не привязанное к какой-то точке в реальном времени или пространстве (то «преобразование рамок», о котором говорит Гойсс, вряд ли возможно, но при этом является интересной темой для обсуждения). Вне всяких сомнений, роман как отдельная форма литературного произведения отображает условия жизни в капиталистической современности, поскольку, в сущности, романы — изобретение нашего времени. Это может навести нас на мысль, будто роман идеально подходит для того, чтобы анализировать «универсальные» категории. Здесь вспоминаются попытки Вивека Чиббера отстоять общую социологию в духе согласования субъективных начал перед лицом того, что исследователь воспринимает как заводящую нас в никуда культурную конкретику, на которой зиждутся постколониальные теории. При этом именно гибкость в масштабировании романов исключает возможность использовать их в качестве надежного инструмента диагностирования состояния дел в обществе². Романы — крайне переменчивые посредники идей: они могут выводить на первый план элементы мысли и опыта, которые задают исторические представления по какому-то одному направлению, но не достигают его исторического (или, раз уж на то пошло,

когнитивного) апогея³. Когда я пишу о фантазийных «пространствах», я подразумеваю самое буквальное прочтение этого слова. Мыслители и их идеи вынуждены действовать в каждом отдельно взятом романе преимущественно в пределах имеющегося объема книги и в большей или меньшей мере связаны с другими аспектами рассматриваемого текста. Я намерена посвятить основное внимание как раз таким пространствам и последствиям их предполагаемой ограниченности. По причинам, которые я отдельно рассмотрю во введении, африканская философия представляется принципиально важным, но пока что мало использованным источником для рассуждений об индивидуализме как средстве проведения демаркационной линии между идеями. В отличие от таких дисциплин, как история и антропология, которые чаще связывают с африканистикой и приверженностью последней к изучению сравнительно крупных социальных структур, философия зависит не от эмпирических стандартов сбора доказательств, а от того, насколько успешно сформирован *концептуальный аппарат* той или иной школы мысли. Хороший пример здесь — дискуссия между ганскими философами Кваси Виреду и Кваме Гьекье по поводу того, является ли индивидуальность статусом, «достижимым» определенным образом среди аканов — этнической группы, к которой принадлежат оба мыслителя. Рождается ли человек индивидом? Или он должен что-то сделать, чтобы заслужить этот маркер?⁴ В данном случае речь не о таких истоках, как культурные практики, вроде различных принципов погребения людей разных возрастных групп, и не об их культурных коннотациях. И Виреду, и Кваме прекрасно осведомлены об аканских обычаях и в равной мере почитают старейшин своей этнической группы. Предмет их разногласий касается вопроса о том, может ли индивидуальность *как таковая* выступать полноценным конструктом, или лучше различать в пределах отдельно взятой категории разнообразные приобретаемые статусы. Вопросы такого порядка отражают наши представления о наиболее фундаментальных политических, сюжетных и даже космологических терминах, которые приходится осмыслять на

стыке разных языковых традиций (в том числе идею индивидуальности как таковой).

Позвольте мне здесь сделать небольшое отступление и вспомнить о весьма конкретном человеке и мыслителе, которого я часто вспоминала во время написания этой книги. На мой взгляд, его история показывает, что именно стоит на кону и как этот «кон» менялся для Африки на протяжении XX века. Мой покойный свекор Дэвид Эйику Авотви (или Нана Эков Эйику I) родился в 1922 году в городе Элмина, располагавшемся в регионе, который тогда называли «Золотым берегом». Авотви вырос в выдающейся семье. Значительную часть жизни он выступал интеллектуалом, поборником колониализма: после получения степени магистра в Лондонской школе экономики Авотви занимал различные посты в правительстве Кваме Нкрумы, первого премьер-министра, а потом и первого президента Ганы. Авотви продолжал занимать официальные должности и в тяжелый период так называемой Второй республики. Параллельно он выступал как лидер народа фанти, почтенный патриарх семейства и глава клана Анона (буквально «Попугай»). Из всего этого становится ясно, что Авотви был активным общественным деятелем. Я ни в коей мере не собираюсь изображать из моего свекра человека почти святого. Он был, вне всяких сомнений, далеко не безгрешным человеком, обладал многими недостатками, присущими мужчинам того времени. Меня больше поражает, насколько сложно мне подобрать подходящие слова для того, чтобы рассказать о его жизни по свидетельствам знавших его людей. Авотви был человеком, в котором сочетались и независимость, и готовность ощущать себя частью коллектива. Он мог часами просиживать у себя в кабинете за прочтением многотомных изданий о западных и африканских традициях. Перу Авотви принадлежит детально проработанная историческая хроника Элмины, которая позволяет посмотреть на регион глазами представителя народа фанти. Этой точки зрения, по его мнению, остро не хватало в других трудах. Столица Ганы Аккра не считается местом, располагающим к прогулкам (так было и в прошлом), но Авотви каждое утро вставал до рассвета и обходил быстрым

шагом оживленный квартал Осу. В подобном сочетании рефлексирующей задумчивости и самодостаточности ощущается общность с «Освобожденной Эфиопией» Джозефа Кейсли-Хейфорда, о которой будет подробно рассказано в первой главе. Это произведение стало для Авотви кодексом чести гражданского служащего. По выражению французского философа Фредерика Гро, мы могли бы предположить, что для Авотви прогулки были действием, через которое «монотонное исполнение телом своего долга раскрепощает ум; именно в этом акте возникают, поднимаются на поверхность или обретают форму мысли».

Эти слова из книги «Философия ходьбы» Гро относятся к Канту, который, как известно, устраивал ежедневные променады по Кёнигсбергу. Кант — удачный ориентир, с которым можно сопоставить представленные в предыдущем абзаце краткие обстоятельства жизни Авотви. И между этими людьми обнаруживается как много разного, так и достаточно точек соприкосновения. Прогулки Канта — занимательное клише, поскольку они составляют «отрешенность»: философ никогда не был женат и прожил всю свою жизнь практически отшельником в небольшом прусском городке, в котором родился. Кант — олицетворение то ли упрямой уверенности в возможности обнаружения априорных истин (это в лучшем случае), то ли ущербных идей эпохи Просвещения о том, что истину можно обнаружить в социальной среде и руководящей ею системе следствий и последствий (это более распространенная в наши дни точка зрения). Жизнь Авотви была, как раз наоборот, предельно космополитичной. Он не считал, что полученное им в одной из «столиц мира» высшее образование как-либо противоречит его готовности выступать поборником языка и культуры народа фанти. Будучи преданным слугой общества, Авотви часто путешествовал из Ганы в Лондон. На родину он возвращался, чтобы устроить домашние дела, где его с нетерпением ждали многочисленные дети и множество знакомых различной степени близости, которые нередко останавливались у него дома. Жизнь Канта представляется пустоватой именно в силу отсутствия в ней взаимодействия с окружающим его социумом. Как ни иронично, жизнь Авотви с бесконечным списком общественных обязательств

предполагала следование все тому же идеалу кантианства. Соответственно, променады философа и разъезды чиновника предстают перед нами двумя крайностями, в которые нас может завести, при текущем стремлении к плюрализму, критическое мышление, сдерживаемое интеллектуальной самоизоляцией. В первом случае остро ощущается потребность в пересмотре устойчивых «просвещенных» норм (этот процесс разворачивается у нас на глазах прямо сейчас) с учетом взаимозависимости представителей общества, во втором случае — признание того, насколько существенной может восприниматься на первый взгляд бесхитростная умственная деятельность для людей, погруженных в систему бескомпромиссных общественных обязательств.

В то же время реконструкция мощного индивидуального видения, которое я предлагаю использовать для знакомства с идейным содержанием африканских романов, дополняется бременем некоторого исторического багажа. В постколониальных исследованиях индивид зачастую оказывается предметом критики «либерального субъекта» — порождением (или наличием алиби) общей повестки развития в либеральном ключе, которое связано с западным империализмом, неолиберальным капитализмом и рабством по расовому признаку. Это далеко не исчерпывающий список жутких ассоциаций. Эта аргументация настолько распространена, что по крайней мере некоторые читатели воспримут ее как некую данность. Ашиль Мбембе в *«Критике черного разума»* предлагает нашему вниманию лаконичный обзор логики подобных рассуждений: «Современная концепция демократии, как и либерализма, была неразрывно связана с проектом коммерческой глобализации. Плантации и колонии выступали ключевыми звеньями, на которых держалась вся эта цепочка» (80). Вместо того чтобы полноценно взаимодействовать с неясными (читай: «необъяснимыми и непостижимыми») гранями, которые отделяют человеческие культуры друг от друга, образовательные, правовые и коммерческие институты, содействовавшие европейским державам на протяжении XVIII и XIX веков в «формировании общего для всех человеческих созданий мира», на деле призывали к конформизму. Нарратив ассимиляции требовал

исполнения некоторых этноцентрических правил поведения для получения статуса «полноценного индивида» (87). Мбембе трогательно повествует о стремлении выявить собственный подход к самоопределению, который умудряется сохраняться *вопреки* всему этому, и подчеркивает, насколько проще отделаться от индивидуализма как теоретического посыла, чем отказаться от его основополагающего потенциала. В *«Африканском идейном романе»* я отказываюсь от наличия целостного индивида, систематически осмысляющего себя, как обязательного условия принадлежности к цивилизации. Как раз наоборот, я вижу источником абстракций, расширяющих грани мироздания, философствующих героев романов.

Стоит сразу отметить, что настоящая книга не представляет собой «апологетику» либерализма в тех же масштабах, как, например, у Аманды Андерсон в книге *«Унылый либерализм»* (2016). Цель издания — вернуть аппарату былую системную мощь, которая позволяет действовать «независимому и автономному» субъекту (4), идеально вписывающемуся в идеологию свободного рынка. Лицемерие либерализма становится гораздо более очевидным как раз в текстах, написанных авторами из бывших британских колоний, чем, например, в научном исследовании работ Диккенса. Еще одна яркая иллюстрация этого факта — Всеобщая декларация прав человека, которая была принята в 1948 году ведущими мировыми империями. В сборнике эссе *«Реорганизация мира»* Дункан Белл четко отстаивает позицию, что переселенческий колониализм, в отличие от колониальных систем, сформированных, например, в Индии, становился отличной площадкой для развития британской либеральной доктрины. Предположительно неосвоенные земли, в том числе территория современной ЮАР, изображались в качестве *tabula rasa*, на которой «либералы могли триумфально вести экспансию и сооружать режимы правления, освобожденные от традиционных тревог по поводу захвата чужих вотчин». «Как раз наоборот, [все это предприятие] строилось на обнадеживающей фантазии о занятии новых земель», — подчеркивает Белл (48). Как замечает Крис Тейлор в книге *«Запущенная империя: Вост-Индия в свете британского*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru